

КАК УБИЛИ СССР

**25 ЛЕТ
ВЕЛИЧАЙШЕЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАТАСТРОФЕ**

НИКОЛАЙ
ЗЕНЬКОВИЧ

АГОНИЯ СССР

Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ
УБИЙСТВА СВЕРХДЕРЖАВЫ

МОСКВА
2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63
3-56

В коллаже на обложке использованы фотография
и иллюстрация:
Игорь Михалев / РИА Новости;
Jaskid Green / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Зенькович, Николай Александрович.

3-56 **Агония СССР. Я был свидетелем убийства Сверхдержавы / Николай Зенькович.** — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 576 с. — (Как убили СССР. 25 лет величайшей геополитической катастрофе).

ISBN 978-5-699-91565-1

Путин назвал распад СССР «великой геополитической катастрофой», умолчав о том, что УБИЙСТВО Советского Союза было еще и величайшим преступлением XX века.

Автор этой книги наблюдал трагедию 1991 года не снаружи, а внутри — будучи работником ЦК КПСС, он лично присутствовал на заседаниях высших органов партийной власти и стал «внутренним хроникером» агонии СССР.

Что происходило за кулисами ЦК в эти последние дни?

Как (говоря словами Сталина) Горбачев проср... великую Державу и ведали ли в Кремле, что творят?

Почему не было услышано предупреждение Ю.В. Андропова, который еще за 10 лет до «перестройки» писал, что ЦРУ вербует в СССР «агентов влияния» для «разложения советского общества» и развала страны?

Правда ли, что Горбачев был причастен к путчу ГКЧП и стоит ли верить словам Янаева: «Горбачев в курсе событий. Он присоединится к нам позже»?

Будет ли разгадана тайна «странной череды самоубийств» — маршала Ахромеева, «главного казначея партии» Кручины, Пуго, Павлова, Лисоволика?

И почему, прочитав эти записки, автору посоветовали: «Ты на каком этаже живешь? На шестом? Надо срочно переселяться ниже. А то можешь нечаянно выпасть из окна...»

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-699-91565-1

© Зенькович Н. А., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ТАКИМИ МЫ БЫЛИ ТОГДА ...

Эту книгу я начал писать в 1991 году — сразу по горячим следам августовских событий. Они разворачивались прямо на моих глазах, и так получилось, что мне довелось быть в их эпицентре.

Понимая, что все происходившее, а тогда я работал в аппарате ЦК КПСС, имеет огромную историческую значимость, вел записи, как мне тогда казалось, для себя. Впечатлений было много, и они постепенно выстраивались в своеобразную хронику «краткого курса» истории конца КПСС.

Когда-то главной книгой советских коммунистов был «Краткий курс истории ВКП(б)», написанной Сталиным. Даже в самой буйной своей фантазии я не мог вообразить, что мне придется стать свидетелем трагического «краткого курса» конца этой партии, находясь в последние ее дни рядом с ее руководством.

Но произошло то, что произошло. Обо всем увиденном и услышанном в те дни в комплексе зданий ЦК КПСС на Старой площади я рассказал в своей книге, изданной в 1999 году под названием «ЦК закрыт, все ушли...» И с подзаголовком «Очень личная книга». Последнее слово «ушли» было с многоточием. Почему?

Название было перифразом знаменитого, как сейчас бы сказали, слогана времен Гражданской войны: «Райком закрыт, все ушли на фронт». А в 1991-м куда ушли работники ЦК КПСС и других партийных органов? В коммерцию, вот куда. Или в новые государственные органы — к победившим антикоммунистам. Строить капитализм.

Бывший кандидат в члены Политбюро, первый секретарь московской столичной парторганизации Борис Ельцин, за-

претивший КПСС, возглавил невиданное в мире строительство капитализма. Помогали ему бывшие члены Политбюро Александр Яковлев и Егор Строев, бывший инструктор ЦК КПСС Виктор Черномырдин, возглавивший буржуазное правительство России бывший редактор отдела «Правды» и журнала «Коммунист» Егор Гайдар.

Помогали еще много других, ранее называвших себя гордым именем «товарищ». Уж очень хотелось каждому, чтобы его величали «господином».

Строить капитализм оказалось не так-то просто. С социализмом было проще: был «Капитал» Маркса, где объяснялись пути перехода от капитализма к социализму, а вот того, как, наоборот, перейти от социализма к капитализму, нигде написано не было. Поступили просто: Маркса отдали тем, кто еще верил в коммунистические идеалы, а капитал (это не название книги) взяли себе.

Увы, прежнее название «ЦК закрыт, все ушли...» для современного читателя уже ни о чем не говорит. К сожалению, слоган «Райком закрыт, все ушли на фронт», послуживший основой для перифраза, мало кто помнит. Это уже ушедшая эпоха. Что ж, прошло четверть века...

Новое название «Агония СССР. Я был свидетелем убийства Сверхдержавы» дано книге издательством «Яуза-пресс». Текст обновлен и дополнен автором.

Оценки событиям и действующим лицам, о которых рассказывается в этой книге, носят субъективный характер и выражают исключительно личное мнение автора.

Автор

Часть 1

КРАТКИЙ КУРС КОНЦА КПСС

ГЛАВА 1

Неожиданный звонок

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Центральном Комитете.

(Из цековского фольклора)

Примерно в три часа дня зазвонил телефон внутренней связи. Я снял трубку.

За двадцать минут до этого все аппараты, включая правительственную связь и междугороднюю ВЧ, кроме прямого городского, были выведены на приемную: по просьбе одного зарубежного издания я отвечал на вопросы о событиях, связанных с ГКЧП. Поэтому и попросил секретаря со мной не соединять.

Вопросы были не из легких.

— Лично вы были у Белого дома? — спросил корреспондент влиятельного зарубежного издания.

— Да.

— Какое впечатление сложилось у вас о собравшихся?

— На Краснопресненскую набережную я вышел к восьми часам вечера двадцатого августа. Это был второй день путча. Сплошной поток молодых мужчин вынес меня к Белому дому России. Людей было очень много. Однако мне не показалось, что все они горели желанием живыми кольцами, плечом к плечу опоясать забаррикадировавшегося Президента России. Немало было зевак, праздношатающихся, пьяных...

— Но ведь Ельцин первым осудил действия хунты...

— Да, он отменил распоряжения ГКЧП и выступил в защиту законного Президента СССР Горбачева. Но я бы не сказал, что все собравшиеся на площади пришли спасать демократию. Не думаю, что, если бы действительно начал-

ся штурм Белого дома, собравшиеся закрыли бы его своими телами...

— Но ведь на них были направлены стволы танковых орудий...

— А москвичи разукрасили их цветами и российскими флажками. Раздавали танкистам бутерброды, фрукты, сигареты. Армия в народ стрелять не будет — в этом все были уверены. Отсюда и отсутствие страха, ощущение легкости и приподнятости. Правда, несколько БМП и танков защитники Белого дома забросали камнями и бутылками с зажигательной смесью. Одна БМП сгорела.

— Правда ли, что путч тщательно готовился, а причина неудачи в дилетантских действиях заговорщиков? Рассказывают, что глава хунты Янаев, просмотрев видеозапись пресс-конференции ГКЧП 19 августа, распорядился вырезать кадры, где у него дрожали руки...

— Ваши коллеги окрестили случившееся «путчем дрожащих рук». Этим все сказано. Если бы переворот действительно готовился тщательно, дрожащих рук, уверяю вас, не было бы.

— Вы хотите сказать: то, что едва не завершилось трагедией, оказалось опереточным фарсом?

— Ну какая же это тщательная подготовка? Не было арестов и задержаний. Границы и аэропорты оставались открытыми. Не отключалась связь. Даже запрещенные вначале реформаторские органы печати продолжали выходить. Правда, экипажи танков направили стволы орудий туда, где подозревались очаги сопротивления московских демократов, но пушечные магазины были пусты.

— Еще два месяца назад Ельцин требовал отставки Горбачева, а во время путча выступил за его возвращение к власти. Совершенно неожиданный поворот, не так ли?

— Что Ельцин так себя поведет, члены ГКЧП, наверное, никак не ожидали. Их просчет был в том, что они представляли Ельцина мелким. Раз уж он так сражался с Горбачевым, раз у него такая обида, то он, мол, не может не быть довольным поражением противника. Тем более что накопилось на него немало и личных обид. Они рассчитывали, что Ельцин будет хотя бы втайне торжествовать и поэтому с ним можно будет сговориться. И они делали эту попытку. А он повел себя с ними как избранный народом глава Российского госу-

дарства. В этом одна из причин их поражения. И в этом одна из важнейших причин победы Ельцина.

— Вы считаете, что это победа Ельцина?

— Несомненно. Из августовского кризиса Ельцин вышел победителем. Это была не просто размолвка двух лидеров, это была борьба двух сил. Какое-то время эта борьба велась не напрямую. С одной стороны стояли консерваторы, с другой — сторонники реформ. Посередине возвышался Горбачев, который подобно полупроводнику гасил слабые попытки правых прийти к власти. И вот этот буфер, этот полупроводник на некоторое время устранился — ушел в отпуск. И сразу же обе силы столкнулись в открытой схватке. Победили сторонники радикальных реформ.

— Вы очень осторожны в оценках. Ничего не говорите о просчете заговорщиков, которые не предполагали, насколько глубоко внутренние изменения в советском обществе, насколько сильны перестроечные настроения. Людей не остановили ни введение комендантского часа, ни слухи о предстоящем штурме здания российского парламента.

— Знаете, мне бы не хотелось говорить о баррикадах, защитивших демократию. Я сам был у Белого дома и видел, кто их воздвигал...

Интервьюирование проходило по телефону. На том конце провода крутилась магнитофонная бобина, записывавшая каждое мое слово. Но и на моем столе рядом с телефонным аппаратом светился зеленый глазок диктофона. К этому меня вынудили зарубежные журналисты, которые в своих изданиях зачастую вольно интерпретировали мои комментарии. Пришлось применять защитные меры.

Закончив интервью, опять переключил телефонные аппараты на себя. И вот первый звонок.

— Николай Александрович, — услышал в трубке растерянный голос своего референта Галины Александровны Пташкиной, — мы не можем выйти из здания. Выходы перекрыты. Блокированы все подъезды — восьмой, девятый, двадцатый...

Сначала я не понял, о чем говорит одна из наших старейших и аккуратнейших работниц. Какие выходы, почему блокированы? Двадцать минут я сидел в одиночестве, отвечая на вопросы иностранного корреспондента, и представления не

имел, что происходит в это время. Оказывается, когда я подыскивал осторожные формулировки, уединившись в своем кабинете, технические работники носились по коридорам комплекса зданий ЦК, пытаясь выбраться наружу. Они услышали распоряжение из Управления делами, которое передавалось по местной радиотрансляционной сети, о немедленной эвакуации из помещений. В панике, схватив пожитки, женщины рванулись к выходу.

Радио в моем кабинете было выключено — и не потому, что оно мешало интервью. Включал я его крайне редко. Для меня всегда было загадкой, как можно работать при включенном на полную мощность радио. Этим искусством обладали многие мои коллеги. Видно, крепкие нервы у мужиков.

Не успел я расспросить о деталях, как в трубке послышались частые гудки. В недоумении я поднялся с кресла и открыл дверь в приемную, чтобы выяснить, что в конце концов происходит.

Приемная была пуста. Отсутствовала и секретарь, сторожившая вход в кабинет Станислава Архиповича Чибиряева — первого заместителя заведующего гуманитарным отделом. Наши кабинеты располагались напротив, их разделяла небольшая приемная, в которой сидели два секретаря — моя, Валентина, и чибиряевская, Лидия. Обеих на местах не было. Заглянул в кабинет Станислава Архиповича — он тоже был пуст.

Мое недоумение возросло. Охваченный тревогой, я вернулся в приемную и услышал требовательный, резкий звук телефона правительственной связи из своего кабинета. Звонила кремлевская «вертушка» — красивый белый телефон с золотым государственным гербом в центре диска. Аппарат появился в моем кабинете год назад — после утверждения автора этих записок в должности заместителя руководителя пресс-центра ЦК КПСС.

Поскольку это была новая должность, не предусмотренная штатным расписанием политической организации, имевшей почти столетнюю историю, то ее приравнивали к должности заместителя заведующего отделом. В аппарате ЦК «вертушка» полагалась должностным лицам, начиная с заведующего сектором. Правда, иногда «волшебный» телефон устанавливали тем, кто был рангом ниже — консультантам, например. Но

это делалось крайне редко. Такой чести могли удостоиться люди, работавшие непосредственно на заведующего отделом, готовившие ему речи, выступления, писавшие статьи за его подписью в газеты и журналы, а нередко и книги. Да-да, и книги тоже. Причем все это происходило не в какие-то там застойные, а в наши, перестроечные, времена.

Но к этой теме я еще вернусь.

Услышав в приемной звонок «вертушки», я вернулся в свой кабинет. Первое время меня, неопытного аппаратчика, удивляла манера цеховских долгожителей разговаривать по телефону правительственной связи. Человек внутренне группировался, лицо приобретало свирепое выражение, взгляд хмурился, голос становился твердым и вместе с тем вопросительно-подобострастным: а вдруг звонит большой начальник? Это был целый ритуал. Если по городскому телефону произносилось обычно «да-да» или «слушаю», то по «вертушке» непременно полагалось называть фамилию. Не знаю, кто установил такое правило, но в ЦК его придерживались неукоснительно. Внешне это напоминало разговор военных.

Что поделатъ, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Поддерживал общепринятую среди цеховских работников манеру разговора по телефону и я. Поднял трубку «кремлевки», торопливо назвал фамилию. То, что услышал, повергло меня в смятение.

— Быстро на выход! Наши все вышли? Немедленно покидай здание!

Голос сдавленный, вроде бы знакомый. Ба, да это же мой начальник!

Ошеломленный и растерянный, я опустил трубку на рычаг. Бред какой-то!

Вышел в коридор. Тишина. Ни одного человека. Как будто все вымерло. Сделал несколько шагов по направлению к кабинетам других замов — Ренчиса и Сидоровича. Заколебался, заходить ли. Решительно толкнул дверь. Кабинеты обоих пусты. В приемных, где за столиком с батареей телефонных аппаратов обычно сидели секретари, — никого.

Вернулся обратно. На седьмом этаже громадного десятиэтажного здания — ни души. Ау, где ты, гуманитарный отдел? В угловом отсеке — кабинет заведующего отделом Виктора Ва-

сильевича Рябова. Ни одного человечка. Спустился на шестой этаж, к коллегам из идеологического отдела. Такая же картина.

Надо, видно, выбираться из здания. В памяти всплыли картины захвата зданий ЦК в восточноевропейских странах. Вернулся в свой кабинет. Все телефоны молчат. Поднял трубку городского, «вертушки» — нет, работают, связь не отключена.

Пора. Что взять с собой? За шесть лет работы накопился огромный архив, горы заготовок речей, статей, интервью начальников. В шкафах и сейфах немало личных вещей. Ведь большую часть времени — нередко до десяти-одиннадцати вечера — проводил на работе. Служебный кабинет стал вторым домом. Черт с ними, вещами! Схватил диктофон с только что записанным текстом интервью — сработала, наверное, старая журналистская привычка, — запихал его в выдавший виды коричневый «дипломат», с которым не расставался вот уже пятнадцать лет, и, окинув взглядом в последний раз большой письменный стол, заваленный бумагами, направился к выходу.

Вызвал лифт. Загорелось табло — значит, работает. С «дипломатом» в руке вышел на первом этаже. И сразу попал в растревоженный человеческий муравейник. Множество людей скопилось у выхода. Наш подъезд — шестой. Здание расположено в центре цеховского городка. Он связан множеством переходов, в которых запросто можно заблудиться. За шесть лет я изучил все, с закрытыми глазами мог выйти к любому месту — на улицу Куйбышева, к проезду Владимирова или к улице Степана Разина. Москвичи знают, на каком расстоянии друг от друга расположены названные мною места.

Просторный вестибюль шестого подъезда был переполнен колышущейся людской массой. На лицах растерянность, страх, непонимание происходящего. Кто-то держал в руках кулек с тремя-четырьмя свекольными котлетками — последней цеховской привилегией, — кто-то судорожно прижимал к груди папку с бумагами. Чтобы выйти из здания, надо пересечь двор. Отсюда на волю два пути. Первый, если повернуть налево, вел к железным решетчатым воротам, за ними улица Куйбышева. Второй — направо, мимо здания столовой, к улице Степана Разина. Время от времени кто в одиночку, кто в составе небольшой группы пытался покинуть здание. Бесполезно! Все

возвращались назад, жалкие и испуганные: выходы перекрыты толпами бесновавшихся людей. Не пропускают никого.

Людей все прибывало. Шестой подъезд — десятиэтажное здание, построенное в середине шестидесятых годов. Здесь было расположено много отделов ЦК — организационный, идеологический, гуманитарный, социально-экономический, аграрный, национальной политики. В боковых отсеках, расположенных напротив кабинетов заведующих отделами, сидели секретари ЦК — Строев, Манаенков, Калашников. Не менее сотни кабинетов занимали сотрудники аппарата президента, включая первого заместителя председателя Совета обороны страны Бакланова.

Среди мечущихся в вестибюле и по двору фигур — чего греха таить — попадались и знакомые лица из президентского аппарата. Паника усиливалась. Высокая, худая, лет под семьдесят старая женщина из машбюро хватала мужчин за руки:

— Делайте же что-нибудь! Надо звонить в Управление делами, коменданту... Пусть откроют коллекторы и выпустят нас через теплотрассу... На улицах ужас что творится. Они нас растерзают...

От несчастной женщины отмахивались. Слухи, один нелепее другого, вспыхивали в разных концах вестибюля и двора, заставляя людей бессмысленно метаться по замкнутому пространству. С улицы доносился угрожающий шум растущей на глазах толпы. Виновато отводили глаза работники охраны зданий ЦК — еще вчера такие недоступные и величественные. Раньше их грозная форма придавала им куда более решительный вид. Надежды на то, что они защитят от разъяренной толпы хотя бы женщин, было мало.

Никто толком не знал, что же передали по внутреннему радио. Одни утверждали: на сборы дан час, и, если за это время помещения не будут очищены, ослушавшихся ожидает интернирование. Технические работники не понимали, что это такое. «В милицию отвезут», — разъясняли сведущие.

В общем, паника разрасталась. Во двор прибывали люди из других зданий. Оказавшись среди потерявших самообладание сослуживцев, слушая панические слова и реплики, я тоже стал готовиться к самому худшему. Вернулся в кабинет и позвонил на всякий случай сыну: если что случится, береги мать и десятилетнюю сестренку.

Вырвавшись из окружения и приехав домой, я выпил сразу полбутылки водки, но опьянения не почувствовал. Сказалось сильнейшее нервное напряжение. Мы шли сквозь улюлюканье толпы, ежесекундно ожидая самого страшного. Напрасно народные депутаты через мегафоны призывали соблюдать законность и порядок. Озверевшая толпа наседала на дрожавших от испуга партаппаратчиков. Мы шли по живому коридору, и почти каждый считал своим долгом унижить, оскорбить нас.

Особенно усердствовали женщины. Из их уст сыпалась такая похабщина по адресу наших технических работниц, что впору затыкать уши. Озлобленные москвички, казалось, вот-вот вцепятся в их волосы. С особым наслаждением они копались в сумочках партаппаратчиц, показывая содержимое гогочущей толпе. Как только ни обзывали несчастных машинисток, секретарш, стенографисток. Некоторые выражения еще можно было терпеть. Но звучало кое-что и похлеще.

Иные от обиды плакали, другие, побойчее, пробовали усостыжить кликуш. Запомнилась такая сцена. Впереди меня шла высокая, красивая, статная молодая женщина из международного отдела. Увидев ее, толпа буквально взорвалась ревом. К ней потянулись чьи-то жилистые руки, выхватили сумку, распотрошили в один миг. К ногам полетели какие-то свертки. Кто-то поддел их ногой, на асфальт высыпался мясной фарш. Брызнули соком свекольные котлетки.

— Они там объедаются, а мы не знаем, чем детей кормить! — визжала толстенная бабища в мелких кудряшках с маленькой головенкой без шеи. — Убить вас мало, вертихвостки поганые!

Секретарша из международного отдела без страха смотрела на исходящую ненавистью толпу. Потом тихо сказала:

— Ну, убейте, если вам от этого легче станет. Подумаешь, останутся без матери две девочки-близняшки! Убивайте, если руки поднимутся...

Гром-бабищу оттерли какие-то мужики. Подняли свертки, неумело затолкали в сумку.

— Проходите, женщина. Вы здесь ни при чем. К вам претензий нет. Счеты надо с другими сводить...

Ну, а аппаратчикам снисхождения, конечно, не было. Выбирали самых откормленных, холеных. Глумились как хоте-

ли. В некоторых плевали, забрасывали помидорами, яйцами. Иногда летело и кое-что поувесистее. В двадцатом подъезде, где размещался ЦК Компартии РСФСР, толпа разбила несколько оконных стекол, на здании МГК снесли вывеску.

Полную чашу всенародной любви к партии испил и я. Что кричали в мой адрес, когда я шествовал по живому коридору, не помню. Но что-то кричали — мерзкое, оскорбительное. Может, и хорошо, что не запомнил. Состояние было ужасное, все, что происходило, представлялось каким-то горячечным бредом, кошмарным сном.

Прорвавшись сквозь кольцо осадивших Старую площадь людей, прошел к станции метро «Площадь Ногина». Сейчас эта станция переименована в «Китай-город». Здесь отдышался. Из таксофона позвонил домой, успокоил семью — все в порядке, жив. У жены вырвался вздох облегчения. У них на работе поползли зловещие слухи о штурме зданий ЦК, о кровавых расправах.

В вестибюле метро начали появляться мои сослуживцы. Возбужденные, перенервничавшие. Всех без исключения обыскивали, перетряхивали содержимое «кейсов», сумок, папок, надеясь найти материалы, связанные с участием ЦК в путче.

Самое время рассказать сейчас о бутылке водки, половине которой я выпил в один присест. Стояла бутылка в холодильнике по случаю приближавшейся знаменательной даты в жизни ответственного работника ЦК. Дело в том, что именно 23 августа 1991 года исполнилось шесть лет с того знойного летнего дня, когда я, оставив чемодан в камере хранения на Белорусском вокзале, счастливый и переполненный чувством собственной значимости, свысока поглядывая на пешеходов, двинулся по улице Горького в сторону Старой площади.

Мог ли я тогда предположить, что пройдет шесть лет и точно в такой же день, 23 августа, да еще в пятницу, — еще одно совпадение, — мне предстоит позорный финал? Никогда прежде меня подобным образом не выпроваживали с работы. Попросту говоря — прогнали...

Мог ли я не покидать кабинет, здание ЦК? Мог. Кстати, после августовского кризиса, когда начался захват помещений, принадлежавших организациям, которые имели отношение к ЦК, работники многих из них сопротивлялись до последнего, отстаивая свои служебные площади. Некоторые